

The background of the book cover is a photograph of a lush green lawn in a park or garden. In the foreground, there is a small, young tree with large, rounded green leaves. Behind it, several larger, mature trees with dense green foliage stand against a bright sky. The overall scene is peaceful and natural.

МАЙКЛ ФИНБЕРГ

**ДВА
КОРОТКИХ
РАССКАЗА**

Майкл Финберг
Два коротких рассказа

«Издательские решения»

Финберг М.

Два коротких рассказа / М. Финберг — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857287-6

Как раз пришло время, чтобы сначала посмотреть на приземленные факты, которые сейчас перед нами, и только потом мы сможем безошибочно включить отдельные навигационные огни для великого и быстрого подъёма к небу; всё дело именно в том, чтобы сладить с этой чертовски трудной задачей образного представления безграничных полей благодати.

ISBN 978-5-44-857287-6

© Финберг М.
© Издательские решения

Содержание

Чёрное и белое напряжение	6
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Два коротких рассказа

Майкл Финберг

Переводчик Евгений Шмелев

© Майкл Финберг, 2017

© Евгений Шмелев, перевод, 2017

ISBN 978-5-4485-7287-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Чёрное и белое напряжение

Первая воронка:

О, милый мой дневник!

Место действия: грязный, бьющийся в лихорадке Берлин, сентябрь 1993 года; открылась огромная и отвратительная воронка, она угнетает Евразию и я сам теперь еду на этом громадном поезде-воронке. Метро здесь так необычно – оно кармическое, а каждая станция, как прожитая жизнь. И вот она перед нами, измождённая история Германии в этом изменяющемся пространстве, когда на этих высоких и повторяющихся уровнях начинает вздыматься необъятная сложность.

Думаю, настало время поискать этот такой безрассудный скрытый порядок, что едва укрыт под дурными и странными поверхностями; а увидев это сложное явление сквозь несущую структуру множественных уровней, начинаешь понимать, что мы имеем дело с необходимым спектром нестабильности, который всегда ведёт к физическому, плохому, сильному напряжению; и это именно тут, в огромном и расхристанном центре воронки, столь остро ощущаю подозрительно некрасивое явление: «белое и чёрное напряжение». Понимаете, каждое дьявольское тоталитарное сознание терпеть не может усложнённости, оно всегда стремится к крупномасштабному «чёрному решению»; то есть мрачному и громоздкому удару «чёрного напряжения». Это напряжение визжащих коричневых и красных руин, так глубоко укрытых под печальной землёй, где грязные демоны принимают это тошнотворное жертвоприношение для Германии, пока я стою там, где печатали шаг нацисты.

И этот сумасшедший отплыт даёт нам столь необычную форму белого напряжения, а отвратительным ответом на него всегда бывает мощный и громоздкий удар – так треснуть, чтобы расплющить. Так вот, это и является главным способом ответа, вызванного страданием, на все виды духовной сложности. Немножечко кайфа, а потом немножечко стукнуть, и всё это откатывается к хорошо знакомой гадости «белого напряжения». Только что расколосось в своих рядах старое да резвое отродье коммунистов, но тем не менее мы едва только начали присматриваться к этой воронке. Длинный поезд-воронка пытит, катя в Прагу.

Ледяное дуновение Борей:

А это моё тайное, маленькое жутковатое место. И это большой рассказ о Любви посреди воронки; я угрюмая маленькая вешунья, а это мой опустевший город. И да, тут всё гудит от громкого и одновременно едва слышного эха слабо уловимой формы «напряжения» в Стареместе; тут такое непостижимое и чудесное равнение энергий полоумного прошлого на благословенное единение центров, так велик таинственный танец, возвещающий бракосочетание с богиней; так безобразна подавленная «карма» самого изысканного ритуала ухаживания; и так тяжела встреча центров сердец, где сила всегда достигает своего пика; и так стара эта история о напряжении, которое проявлялось столь зловеще и грязно. И вот он, глупый и злой человек, который сумел выжить; его высшие «чакры» вдавлены, его нижние «чакры» разворочены взрывом; и вот, пожалуйста: первое же сочетание в его сознании становится настолько авторитарным, что ведёт напрямую к убийствам. Это сознание, которое само себя сузило, чтобы только не навредить себе, и ничего удивительного, что в кармане у таких людей лежит билет, только в одну сторону – в город Прибийск.

И вот оно, то что мы теперь все называем «чёрным напряжением», лишённое свободы на всех уровнях, от телесного до духовного; а тут ещё и вечно спешащее второе сочетание сознания, рвущееся от анархизма напрямик к самоубийству; это сознание, которое само себя распахнуло настезь, чтобы только себе не навредить; у того в кармане лежит, не шелохнётся, билет первого класса в город кайфа, с его пресловутыми закрученными проспектами. Это ни

что иное как «белое напряжение», со всей потерей собственной индивидуальности на всех уровнях, от самых приземленных до наиболее духовных. И как видите, именно это мы все называем разбросом реакции на какие-либо виды духовного напряжения.

Поймите, Прага в этот овеянный ледяным дыханием вечер просто подхватила вирусную лихорадку, а в наши дни много необычного появляется просто ниоткуда, и бывает, что большое исцеление насыщено своего рода высоким напряжением, и может так оказаться, что несуразная карма как раз и окажется уместна для созревающей любви, исполненной невероятного уважения, когда лбы соприкасаются в некоей алхимии, совершенной для таинственных пионеров Евразии, что шагают в бриллиантовом блеске множественных Старе-Мест, где можно без лживого жеманства лелеять безграничные поля сознания.

Теперь невидимое «белое напряжение» неудержимо влетает в воронку; всасывается в Берлине, выскальзывает в Москве. О, как хрупка и болезненна моя любимая, как прекрасна и избалована, просто замершая в своем развитии, такая красивая и неотразимая. Так священна в совершенстве кожи и тонких формах тела, изваянного щедрой природой.

Я вижу, как в городе волшебницы восходит солнце, сворачивая капли света как свежую кровь; затхлый чердак этого города до предела заполнен величием магии. Тут, в старом районе Йозефов, стоит большой и чёрный тигель волшебницы. Лучше места для долгих оргазмов духа найти просто невозможно. Тут сплетаются в своём величии малые и невесомые лёгкие; тут чудесным образом встречаются «яб» и «юм», они были когда-то стариками-немцами, они же были и индусами, еще когда древность называли современностью. Смотрите, был в этом старом каббалистическом тигле глубинный отзвук предшества, а вместе с ним и огромное, неодолимое чувство взаимного узнавания, приносившее чехам дары на древних полях смерти в Конопнисте.

На этом королевском кладбище для убиенной дичи изверглась странная «тантра» Богемии; я шёл за этим ангелочком, «дакини», вглубь тёмного леса и замка мечтаний; наши умы сплавлялись: мой и её, моей уставшей супруги; то была высвобождающаяся вольница тантрических ангелов, которые отринули все преграды, следуя согласно своей огромной карме; это напоминало изысканную хореографию, которая в дальнейшем следовала тропой дурманящего канона древних страстей и их тонкой заботы, что помогало им исцелять и прокладывать путь сквозь широкие и неизменно опасные потоки «чёрного и белого напряжения».

В Праге была ранняя осень, больше не было жирного и безобразного «голема», а постаревший Гавел окопался во вздыбленном Граде; и Кафка тоже парил где-то неподалёку реки Самсары, отдавая необъятную грусть тёмной и узкой Влтаве, прямо тут, в этом большом древнем городе, где ангелы медитировали над огромным и счастливым союзом и свадьбой любимых старых сердец. Я смотрю на пьяниц, что заблудились в Остраве; сижу и спокойно жду, пока придёт длинный поезд-воронка.

Видя алый цвет крови:

Для тех, кто делает «пуджу» в старом Кракове, день просто великолепный. И это исполненное самообладания большое «бардо» брызжет сочной энергией тут, в духовном «где-то» на юге Польши. Прямо тут, с этими прекрасными польскими босоногими «дакини», сидящими у главной городской площади Краковски Рынек; эти юные «дакини» ждут, когда приедет их трамвай-тихоход, чтобы увезти их в это новое духовное сердце Европы.

Итак, я забрался в этот потерянный мир с этими сладкими и тёплыми привидениями. Тут, в еврейском квартале, облачённым в одинокое и грустное сияние, своей плотью оставили отпечатки еврейские «бодхисаттвы»; ступни великих Цадиков вспыхнули пламенем; еврейская «пуджа» плыла в тишине. Я укладывал камни на могиле Великого Раввина Реми, а это огромное визжащее жертвоприношение для Летик и всех остальных теперь медленно возносилось

на потёртой брусчатке. В свете упавших свечей я видел великие синагоги с темнотой и спокойствием их центров; именно там дышали теперь ветры нового мира.

Давайте не забывать ни о драгоценном в нашей жизни, ни даже об этих огромных отпечатках «чёрного и белого напряжения» здесь, среди осени и её ранних начал, пока падают листья, а автобус мчит мимо маленьких фермерских хозяйств и отдалённых полей и деревьев, медленно гнущихся на ветру, скрывая нечто зловещее во всём этом пейзаже; потому что именно здесь, в самом эпицентре безмолвной воронки, танцевали демоны, извиваясь в безобразном мраке, как раз там, где правило тяжёлое и большое «чёрное напряжение».

Я только начинал свою большую «пуджу», именно здесь, где не так уж и давно свершился огромный по своим масштабам удар, и где безобразное давление и безграничное потрясение на жертвенных полях превратило эти громадные тянущиеся «голокаусты» в малое и священное возжжённое жертвоприношение. Я стал проклинать большие и зловещие энергии, которые так надругались над заново освящённой землёй, я почувствовал эту великую, непонятную и необузданную благодать глубокой и столь сконцентрированной смерти. Меня посвящали в таинство священного ритуала, который преобразовал всё это тягостное зло в благодать, и я видел, как в избитой и зловещей тьме начинает мягко поблёскивать свет.

В этом навязчивом пробирающем холоде отыскивались теперь великие благословения; и пока из тьмы этой глубинной Тантры извлекался на гора свет, я взывал к Дордже Семпу среди вони этого раскинувшегося кладбища, именно тут, где мощный удар в конце концов превратился в ещё больший и мрачный отплыв, и это было громадным и мощным сотрясением, своей внезапностью похожим на широкую, громкую и густую панику, которая объяла и вскоре разбросала своё смертельное магическое заклятье, и эти высокие ниспадающие волны «чёрного и белого напряжения» наконец-то описывали целостный круг внутри воронки; сколь же неотложна была необходимость в радостном освобождении, чтобы быстро принести мир туда, где он был нужен больше всего: в самый эпицентр, в топки крематориев, и великие поводыри-помощники теперь помогали мне в этой польской Хиросиме; они наконец-то отвечали на мои не терпящие отлагательства мольбы.

Во время этой кричащей миссии спасения, – миссии, которая отражалась в этом рыхлом пепле осени, в тот момент, когда я увидел дьявольский стук в широкие Врата Смерти и её огромные гневные челюсти, что открывались теперь, чтобы впустить всех тех, кто мчится по широкой железной дороге к этому мгновенному исчезновению, – из огромной фабрики смерти, отлаженной как промышленный процесс, вышло странное благословение. Эта большая, отчаянная, вздыбленная и громоздкая машина смерти, которой владели безобразные и омерзительные сознания, что внезапно были воссозданы тайной сверхсовременной технологией, вышедшей из этих огромных и просторных демонических барачков.

Это была именно та странная психология, согласно которой можно было рассматривать людей как сырьё для производства сухого удобрения; это была та новая зловещая система хозяйствования, в которой простой вдох становился непосильным заданием, и это, казалось, был именно тот недостаток сжатия в диких больших безмолвных камерах, и на самом деле это были те изумительные и столь же курьёзные руины, что я теперь видел пред собой в огромном сортире Молоха; и всё же паника стала ослабевать, как только психическое пространство начало вновь расширяться, чтобы достичь своей былой большой и славной полноты; это была просто безмолвная и сюрреалистическая пустота, что высвобождала теперь свет.

И да, это было большим и священным жертвоприношением Польше, когда маленькие дружелюбные лица провожали меня, а поезд отъезжал к тем другим встречам с напряжением в святом спокойствии.

Всего за несколько минут и секунд:

Представьте себе, я теперь в австрийской столице, чьи жители без мыла в задницу влезут. А это всего-навсего полая и пустая старушка Вена со своей анархистской музыкой и большим, тяжёлым и тонким «чёрным напряжением». Эта громогласная и неудачливая столица-бедолага была теперь не больше чем большим и изношенным музеем. Она как безобразная ухмыляющаяся голова без туловища, и тут я встречаю покачивающегося на волнах венского мастера «белого напряжения», самого известного и прибитого космического альфонса австрийской столицы; и теперь я вбегаю в комнату, увешанную побрякушками, чтобы побыстрее усесться, и это время для «пуджи», в которой Сарасвати встречается с Дон-Жуаном в этом огромном совокупном жертвоприношении австрийцам, которые дали миру и Шуберта, и позднее Гитлера, Гайдна и Малера, и Витгенштейна, а потом и старого беднягу Зигмунда Фрейда, изнывавшего от скуки, разбитого и ждущего смерти со своим огромным усталым безразличием, которое было теперь свидетелем того, как старый мир подходил к своему самоубийственному исходу.

И теперь я застрял в этой большой и воинственной машине потребления, и чувствую как мурашки бегут по спине, и вся эта ненормальная тяга к «ябьюмам», что теперь входит в моду; и она так далеко от этой устрашающей сверхэффективности в паре с дорогим и негостеприимным кичем под маской культуры; живёшь будто в необъятной картинной галерее, в которой отдаётся эхо «блицкригов» и глубоких котлованов для штабелей жертв, и это дом для всех печально известных личностей целой Европы и это же большое неприглядное кладбище пропитанных пылью империй; м-да, хоть сейчас на дворе и 1993-й, а всё кажется, что 1919-й.

Затем, оплывающий жиром поезд-воронка на короткое время останавливается в чудачковатом новом королевстве Словакии с её невзрачной столицей Братиславой, и я слышу, что отсюда недалеко до старого и любимого крысами замка колдуна в Девине. Это именно тут, на этом клочке огромной мощи, где тайные реки сливаются в противоречивый туман, и многие отдали свои жизни, чтобы теперь владеть этим холмом, и именно здесь, где когда-то проходила интеллектуальная граница и рубеж времён старой Холодной Войны, создавалось впечатление, что все большие и безобразные демоны куда-то на время исчезли.

Естественный ноль:

Так вот, ребята, я теперь всего лишь большая, безобразная потаскушка Будапешта в этом чертовски извращённом и жестоком вонючем городе чокнутого жулья и полоумных потреблений. В маниакально-депрессивной Венгрии стоит прекрасный, просто изумительный день, и дикая горячка кормления до предела нахальна в этом затёртом и перегревшемся двигателе чёрного и белого экономического напряжения; это весёленькая камера пыток и, знаете ли, возбуждённые христиане, подсевшие на амфетамин, на самом деле дали мощно прикурить бледнолицым язычникам, а умирающие капиталисты теперь побили вонючих краснопузых и извращённых нацистов, и я вижу эти разломанные, иссечённые тела в тёмных зловещих туннелях, и они теперь открывают мне нахальных навязчивых венгров с их неотвязным, монотонным языком, как самых настоящих евроазиатов; но, как Вам известно, турки оставили свои серные ванны, променяв их на поистине красивых венгерок, которые направляют эти голодные привидения-паникёры через невидимые и спрятанные лабиринты, где была изукрашенная драгоценностями и современная форма осквернения на секретных скрытых кладбищах и пронзительное лихорадочное уничтожение, что привело меня к этому непонятному и нестабильному лабиринту.

Что за чудесная, сбивающая с толку головоломка этот Будапешт с его стремительной жизнью и высоким уровнем самоубийств, и все его достопримечательности постоянно пылают; похож он на огромное, современное, полное опасности место сумасшедшего разъединения с этим диким, надтреснутым и дурацким отрицанием и странным, медленным, выжженным выходом из этой болезненно потребительской пустыни. И я теперь возношу свой большой дар

для Венгрии особой «пуджей» смерти; это всего лишь новый духовный подарок для павших в 1956-м. Прямо тут, на Рекоузитури, огромном кладбище со звенящими гитарами и буддистскими святыми; это все для тех, едва оперившихся сорванцов, чьи мысли не давали им покоя, и я теперь готовлюсь к своему раннему отъезду в устрашающую Сербию и это просто 1993-й.

Вторая воронка:

Наблюдая за населением в конкурирующих системах:

И огромное, старое, некрасивое излияние «чёрного напряжения» возвращается теперь во всей своей зловещей потрёпанности; я еду в этом изрезанном и убийственном месте, и из окон поезда вижу, как пьянь убегает по просёлкам, возможно, от тех самых молчаливых и невидимых солдат, которые заворачивают этих несчастных и замученных безумцев в тот момент, когда они задерживают своё сильное ледяное дыхание, а поезд медленно вкатывает в Болгарию с её расплывчатыми обещаниями безопасности.

И это действительно должна быть теперь София с её странными обесценившимися бумажками и миллионами безобразных жуликов, и тут же все эти отъявленные преступники с огромными кулаками; они поджидают на каждом углу тут на Балканах, среди дикой вьющейся Рильской горной гряды и на её грубых тусклых жёлтых полях; эта большая чудесная незнакомая земля теперь выглядит, словно взята из «Короля Лира», где забытые всеми пастухи мёрзли в этой агрессивной пустыне, где эхом отдаются перезвоны колокольчиков на козьих шеях; и это неотёсанная даль, которой присуще веяние ветров и холодная красота, что напоминает мне огромное количество поколений, которые живут под одной единственной заваливающейся крышей в Болгарии.

Это любопытная и почти ненастоящая страна налившихся соком болгарских и французских «дакини», что счастливо вышли замуж за психически ненормальных автогонщиков, и теперь видно, как они купаются в этом мистическом колдовском избавлении в этот самый час, эту самую минуту, когда безобразные язычники и немые византийцы теряют себя в беспомощном чувстве, которое сильно сжимает и от которого поднимаются старые кустистые брови, и которые ошарашено сидят в этом буддистском кафе где-то в Софии, в котором все ведущие звёзды сегодняшнего дня подают нам большой бессмысленный рэп официанток, и я вижу хрипящих и выразительных Кали Православия, пока медленно плыву сквозь все эти сцены из «Алисы в стране чудес», обобранный и как-то безмолвно повседневный.

Старые карги теперь зовут меня изнутри этого истрёпанного зеркала, потому что это жесткое, зловещее общество, основанное на скрытом убийстве и едва заметной лжи, обливающееся теперь слезами, разбито параличом, по-настоящему бесправно и целиком в запустении. Ныне эта умирающая пустыня так нетерпеливо ждёт тусклого, нового Второго Пришествия, такого, что исполнено странных сумасбродных граффити, что разбрасывает и преднамеренно оскверняет замусоренные могилы старого и дискредитировавшего себя порядка. Там, где дно часто выглядит вершиной, и всё двигается, виляя из стороны в сторону в этом тонком и возбужденном лабиринте «чёрного напряжения», где пресса вроде бы свободна, а уставшая оппозиция финансируется этими неотёсанными новыми капиталистами, которые когда-то были не более чем жуликоватыми «красными», чрезвычайно запутавшимися в этом тонком уносящемся дыму; они ныне создали прекрасный стиль жизни, и возбуждающие болгарские «дакини» теперь могут своими глазами увидеть эту самую дерьмовую лапшу, так щедро навешанную всем на уши.

Итак, коммунисты-предатели выжгли дотла свой большой, старый и хлипкий фасад, и теперь тут царствует новый, жуткий, тайный порядок, который никто так до конца и не понимает, пока подлые карманники и мафия заключают с новыми «яппи» и тайной полицией странные и молниеносные соглашения, а старая разочарованная гвардия теперь вынуждена прокладывать путь вслепую с помощью старого и рассыпающегося радара, а к этому добавьте

ещё шепоток, оставшийся от ветхого советского обмана, но символические дары как будто бы немного усилены, и старая бетонная ложь покрыта броскими цветами, и доблестные защитники наконец-то приходят на помощь.

И всё-таки находиться тут рискованно в этой громадной воронке с её болезненно слабой видимостью и регулярно и плавно сменяющимися равнениями ещё очень рисков. Ты видишь, как они быстро несутся всё дальше, пока большой и полный тайн поезд движется в безмолвном ужасе к следующей жертвенной поездке тут, в этой знакомой Первой Воронке.

Взгляд на плод на экране аппарата УЗИ:

Я победоносно хватаю жизнь за горло тут, в шумном и задымлённом городе Афины, где огромные поезда кончают свой марафон и где ленивое «белое напряжение» движется дальше к переменчивой огромной греческой «ганачакре», тут в этой неблагоприятной срединной территории между двумя потрясающими и опасными воронками, где всё раздражающее выравнивание и болезненное высвобождение являют собой тяжёлый и нескончаемый процесс и где безусловное очищение всегда совершенно неизбежно, и огромный стресс паломничества теперь спешит к морю, и я приношу дар своих долгих, как жизнь, молитв тут, в иссечённых ветрами Дельфах, на маниакальном алтаре неба, где жили развратные боги и где эта тайна теперь регулярно раскрывается, где огромные, утраченные ораторские традиции помаленьку выпускают в долину свою подпорченную и трагичную греческую «карму» с яростью ангельского воздействия. Потому что именно здесь, в этих мощных и бесконечных местах прорицаний решаю я ныне принести своё священное жертвоприношение Греции.

Драма Афродиты и Аполлона всё ещё видит, как загадочным образом нечто ещё действует, и это несмотря на то, что быстро рушатся все системы, в устрашающих полях Самсары, и я чувствую, что сейчас Афина исцеляет меня всем своим всеобъемлющим умом в моих глубоких и переполненных привидениями снах; это именно те греческие «дакини», которых я вижу затерявшимися в этом старом скандальном акрополе, пока они гоняются за священными слепыми вампирами в час пик в глубинах огромного лабиринта; и внезапное перемещение «белого напряжения» в Афинах, и тут же тяжёлая карма, которая сопутствует острому недостатку достоинства, в то самое время как я поднимаюсь на палубу корабля, плывущего в Иерусалим; и голубые воды моря около Кипра приветствуют меня океанской тошнотой, а Вторая Воронка приближается быстро и неумолимо.

Попав в порочный круг:

И вот священный Израиль; тут, на Ближнем Востоке, царит уныние. Здесь, в старой части Иерусалима, находится огромная сумеречная иллюзия, с её испохабленным и полным грусти пейзажем, а старая гвардия полностью охвачена своей гордой и обособленной осадой, здесь и рыбы головы, отрубленные и валяющиеся в чулане, и конец огромного цикла, в то время как неудачники, которые смогли уцелеть, проверяют и копаются в руинах «чёрного и белого напряжения»; и тут же странное ощущение обособленности, настолько удивительное со всеми этими смешными людьми, которых застали врасплох, когда они играли роли совсем не тех, кого им хотелось бы. Это переполненные беспокойством палестинцы и зловещие могильщики; посмотри, как они яростно рвутся, чтобы хоть что-то спасти этой зимой от крушения в просторной тенистой геологии кармы.

Существует странная пропитанная благими намерениями солидарность в этой священной «пудже», со всеми её напряжёнными и измождёнными чувствами, похожими на милый сердцу дом родной в этом до боли знакомом древнем городе; я теперь исследую мою прошлую завершённую жизнь, как араб, пойманный между перепадом напряжений тут, в этой Второй Воронке, где анархистская белизна всегда превращается в разъярённую черноту, а безобразное «чёрное напряжение» вновь заменяется полным беспокойства «белым», где простое, неза-

мысловатое выживание становится назойливым и постоянным приоритетом, пока извращённые враги сложности готовятся сразиться со своими неизвестными соперниками выходящими из воронки. Это не более чем старый и хорошо известный отплыв с его огромным и неизбежным звенящим ударом, которые теперь приближаются вновь. И нет ни малейшей надежды выбраться из этого перепада, который ходит взад-вперёд, как проржавевший маятник. И это жестокое и бесконечное столкновение ритмов у безмолвного эпицентра вновь становится слышимым; это те самые громкие выкрики, позванивающие колокольчики и визгливые всхлипывания, и именно тут я приношу свой дар евреям, тут, у этой достопочтенной и опасной стены.

Я делаю эту огромную обречённую «пуджу» около старого храма, как магический дар всем благословенным «интифадам» мира, и да, я тоже выясняю отношения с арабами, и с тем сражающимся арабом, сидящим во мне. Это не более чем бесконечная и отнимающая последние силы серия переходов и кучей времени для того, чтобы найти некое подозрительное прощение; может, это не больше чем странная проблема «бардо», которой теперь надо заниматься неустанно, а я вижу, как святые христианские карты сплавляются с еврейскими и буддистскими. Понимаете, та Дорога Скорби ныне находится везде, и это может быть неистово колдовским процессом. И тут, в древней долине Кидрон, тоже можно её отыскать, а также на скалистой горе Елеон, и прямо здесь, в священной Гефсимании, да и в каждом мучимым проблемами уголке планеты, где драгоценное сознание не может найти места, в котором могло бы обрести спокойствие.

Это всего лишь нескончаемое и продолжающееся наслаивание психического напряжения в выжженной и безграничной пустыне, и это время для огромной «пуджи» с сострадательными каббалистами, что окопались тут, на горе Мерон, столице еврейских «бодхисатв». И я чувствую их чудодейственные силы здесь, в холодной и сырой древней «микве», и я слышу возвышенные голоса овечьего святостью раввина Каро и славного в своём великолепии Хаари, тут, в лучащемся Сафедде, и гляньте – вот и Шимон Бар-Йохай, что призывает меня, и он хочет открыть мне все свои священные тайны, пока я в молчании прохожу сквозь этот тайный журчащий поток.

Это всего лишь встреча Будды с Ахурамаздой:

И я теперь яростно борюсь в поединке с древними и упрямыми эссеями в оранжевой и голодной пустыне, и духи не столь уж и доброжелательны, когда я пересекаю границу и оказываюсь в древней Иордании, в непритязательном, дружелюбном городе Аммане. И надо сказать, жизнь может оказаться весьма простой, стоит только пересечь искусственную границу, и вот уже жестокое ощущение усталости, что накатывается теперь во Второй Воронке, когда подходишь к своеобразному, впрямь неземному пейзажу. Я на экскурсии, что несёт меня ввысь, в этом потерянном и странном мире. Она просто потрясает своей мощью, будто «Звёздные войны», Большой каньон и «Потерянный горизонт», были собраны в один громадный фантастический набатейский цирк, что известен миру как Петра, в сумеречной зоне странных неземных пещер и ущелий. И в этих недружелюбных надгробиях ужасающая тишина; теперь демоны и голодные духи быстро говорят мне, что я здесь непрощеный и нежеланный гость. И внезапно я взбираюсь на самую главную вершину; это высокий алтарь для жертвоприношений, где сладко стекала кровь, когда отдалённые напряжения бесконечно освобождались в неуклюжем дурацком танце новых равнений, где гневные защитники оставались в ослепительной тишине, пока мы сражались с громадными отупляющими сложностями планеты.

Третья воронка:

Наконец-то в стране утончённого ритма:

Я сажусь на самолёт-воронку в новой, огромной и освящённой зоне, где вскоре будет продемонстрировано окончательное гигантское решение всяческого «чёрного и белого напря-

жения», когда отзвуки древнего эха откроют новый и бесстрашный цикл; это безымянное возвращение домой, это славное убежище ныне со всей глубиной насыщенного чувства случайного узнавания и преждевременных слёз пронизанного любовью понимания тут, среди этого тяжкого и выматывающего неудобства; это тот сладкий хаос, в котором всё возможно; это громадный, безграничный и моментальный шок Индии, где и начинается настоящее паломничество; это пример шипящих на огне систем, которые глубоко спрятаны внутри иных, ещё «больших» систем, прямо здесь, в Нью-Дели, доме тяжёлого и громоздкого «белого напряжения», и это потрясающее место для изматывающей ярости и эти оглушающие крайности и те говорливые толпы, что ошеломляют приезжего, и это именно та совершенно непонятная перегрузка.

Я стою во весь рост и смотрю на окружающее широко распахнутыми глазами тут, в старом монастыре Бханте, настраиваясь на едва уловимые сигналы, предвещающие начало нового и огромного исследования эфирного мира. Кто-то весьма странно и необычно прочитал линии моей ладони, и я вижу, как миллионы жуликов дружелюбно обманывают других, а толпы валят, как таран, в ненормальной транспортной сумятице, и я вновь сажусь в поезд-воронку в этой разрушающей стране, что охватывает все те жестокие и разбивающие друг друга соперничающие стороны, и я слышу непрестанный громкий звон могучей драмы, которая состоит из жизни, а потом из смерти, и они следуют одна за другой и так и бросаются наугад в шальном ритме, который в данный момент неизбежен. Шумная и вневременная Индия стала самой закрученной мандалой из всех. Тут, в Северной Бенгалии, недалеко от свежих цветов и диких Гималаев, стоит декабрь в этом сонме богов, а я получаю благословения священной Сонады, прямо тут, в тайном доме Калю Ринпоче, где тёмная и подлая простуда свалила меня с ног. Я вижу, как маленькие монахи декламируют хором в зимней дымке, тут, высоко в горах, где я стремительно теряю свои силы; и я корчусь в лихорадке, а мне приносят мои вещи, и Мингму назначают моим верным слугой, и я должен о нём хорошо заботиться, и эта тибетская «дакини» улыбается мне и моей новой примитивной фотокамере, и я чувствую себя в безопасности в этом непроницаемом небе; это мой временный дом, и это гигантский дар мне от Калю, и маленькие монахи стали моими духовными помощниками, пока мы едим попкорн и делаем «пуджу» с миллионами «торм», наполненных добрыми намерениями.

И вот я с Шатрелем Ринпоче, это так неожиданно, и это просто благодать – видеть, как маленький Калю мчит за ангелами через всю комнату, в которой старинная мебель диковата и сюрреалистична, но вы знаете, «мальчики всегда остаются мальчиками», и я ясно вижу, что глупое колесо жизни – это ничто иное, как огромная буддистская карта напряжения, охватывающая как видимые так и эфирные сферы, и я благостно вспоминаю о Тангпулу в этой старой комнате Калю, и именно это дружелюбное благословение даёт мне ныне ничем не скованную уверенность в том, что я выбрал правильный путь.

Стоя тут, на Тигровом Холме у самых Гималаев, и мучительно подыскивая свежие слова, я внезапно замолкаю, придавленный огромным чувством священной преданности, которое даёт мне осознать, что огромные святые горы отражают чистые, нетронутые черты души возвышенных и определившихся созданий, отличаемых громадной мощью и великой благодатью лёгкости; это просто чистое присутствие и именно ему, столь истинному переживанию, нельзя научиться из книжек, сколько бы ты их ни читал. Это, знаете ли, мгновенное благословение, которое воскрешает усопших, и тебя ничто не может подготовить к восприятию этого факта; это распростёртая тишина, что позволяет тебе открыть просвет в своём необъятном и драгоценном сознании. И вся эта закрученная спираль проникнута единым стремлением: обладать силой и ясностью, чтобы видеть суть вещей, как солнце, что прошивает промозглую слякоть серого утра, и это постепенное, но внезапное прохождение шаг за шагом, пока порог вдруг не остается позади, и это ежедневное учение, подрагивающее на ветру, как язычок пламени; учение, которое преподаёт нам гордое солнце и исполненные славы горы.

И я теперь дома у Бокара Ринпоче, у подножия огромных молчаливых холмов, в нескольких часах неспешного пути от Дарджиллинга. Я постепенно начинаю овладевать умением пронизывать тонкие уровни, позируя для фотографий с монахами-врачами, которые целыми днями напролёт изучают медицинские тексты, и, могу вам сказать, я наконец-то оказался в операционной у самого главного хирурга, и теперь вижу, что есть миллиарды Будд, которые тайно работают, в молчаливом усилении стремясь уменьшить наше напряжение на каждом осязаемом уровне, и в конце концов приехал лама Ванчен, чтобы вместе со всеми хирургами сознания отправиться в большое паломничество в Бодгае.

Читая либретто кармы:

Настало время подкрепиться и вечно занятые «студенты-медики» осваивают секреты умения переносить неимоверно изношенный и погрязший в ошибках уровень духовного ответа вместе с великой тибетской Троицей, молясь и стремясь за этими невзрачными блестящими искателями к умелой и предельной кривой бессмертного высвобождения, которое находится вне границ досягаемости всех открытых и закрытых сознаний.

Пришло время для так необходимого, правильного обращения с «чёрным и белым напряжением», не только во всех чрезвычайно важных сферах в небе и на земле, но и дальше, что требовало одной развёрнутой и всеохватывающей операции, и великая искрящаяся кривая высвобождения остаётся в самом сердце всего учения тут, в этой сиюминутной зоне безграничного озарения, где есть то необъятное сильное и светлое чувство для всех тех, что вдыхают веселый, резкий воздух громадных невидимых Гималаев на этих полях благодати, где уже больше не надо отправляться в наркотический отплыв. Так добро пожаловать, друзья мои, как раз начинается великая «самантабхадра-пуджа», в то время как мы все начинаем понимать особенности этого напряжения, связанного с пребыванием в тяжёлом физическом теле. Мы также начинаем понимать, как можно освободиться от этого нарывающего и сочащегося напряжения с помощью столь ненавидимого ветра сознания, и это остаётся лишь вопросом рассмотрения всего сущего, как сложной инженерной проблемы, у которой есть широкий спектр странных, технических решений.

Как раз пришло время, чтобы сначала посмотреть на приземленные факты, которые сейчас перед нами, и только потом мы сможем безошибочно включить отдельные навигационные огни для великого и быстрого подъёма к небу; всё дело именно в том, чтобы сладить с этой чертовски трудной задачей образного представления безграничных полей благодати.

И лама стал теперь лётчиком-инструктором для пилотов, что устремляются в мистические сферы; он с полуоборота запускает двигатель, пока ты занят всевозможными трудными, болезненными распространениями, сгибаясь и отплёвываясь, именно так ты отрываешься от поверхности и потом не отказываешь, когда великие поводыри протягивают тебе сигареты благодати, даже если сдавливающее и замызганное напряжение начинает ускоряться внутри твоего же тела.

А потом ты, в конце концов, возвращаешься на Землю прямо сквозь воскресшие улицы, и просто делишься с остальными видениями необъятной благодати; это безмолвное очищение организма от духовных отходов. И как раз здесь, на этом огромном, нигде не зарегистрированном космическом корабле ты украдкой подсматриваешь и замечаешь резкие взлёты и падения сознания, которые никогда не кончатся, пока, конечно же, ты не найдёшь способа преобразить их.

Благодать придурка, знаете ли, может, сама по себе и приятна, но только до того момента, как познаешь нечто высшее, и только тогда у тебя появится реальная возможность сравнения настоящего служения с поддельным, и как раз тогда этот трудный выбор уже не кажется скрытым от глаз. И то, старое как мир, фальшивое золото может быть неимоверно соблазнительным, но оно ни удовлетворяет нас, ни остаётся с нами навсегда, и потому существует множество

школ высокого и низкого напряжения, которые могут свести на нет это ропщущее напряжение, чтобы дать возможность войти в священные зоны, где никакого напряжения просто не существует, и иногда во сне тебе могут привидеться отвратительные картины распада, но затем неожиданный, убийственный шок непостоянства может окончательно заставить тебя действовать и привести к исходной пустоте и бесхитростности природы, которая как таковая лишена как ухищрений, так и напряжения.

И надо только взлететь и больше не бояться приземляться рядом с центром управления, чья ужасная и лучающаяся среда давно уже под колпаком отвратительных мафий, и именно этот маленький, одинокий, но вроде бы защищённый остров, окружённый со всех сторон вонючими испражнениями, и на нём-то и идёт борьба не на жизнь, а на смерть, чтобы очиститься здесь, посреди заброшенной и забытой всеми пустыни, в захолустье штата Бихар, этой грязной задницы Индии.

И среди этих выцветших судов, что служат для необходимого очищения и выхода из исковерканного огнём клубка, есть громадный космический корабль; он немеркнувший маяк для звездолётов «дхармы» и можно выбирать: благодать или пронизанное трёпом напряжение. Вы сами знаете, что все умственные ощущения подражают благодати; они, к сожалению, недолговечны, и в этой тёмной и пугающей вселенной гневные гангстеры и сеющие ужас святые без каких-либо проблем общаются, по-дружески, с жадными попрошайками и паршивыми собаками, которые вынуждены день за днём противостоять наступающим на них жестоким ангелам и голодным, как зверьё, демонам.

И мой лама быстро разгоняет меня, аккуратно проводя мои разрушительные полёты, во время которых вымывается множество грязи, накопившейся в сознании, и тогда всплывают эти сбивающие с толку эмоции, а с ними и чёрные злоещие втягивания и воспалённые установки, которые всегда могут потом привести неопытного искателя к более тонким и одновременно более опасным видам «чёрного и белого напряжения». Ехать туда, в эту вдохновляющую воронку благодати именно сейчас, становится невероятно важно; именно там растворяется всякая грязь, что накопилась в сознании.

Тут, где тяжело ступающие «бодхисаттвы» медленно развивают свои безмолвные «буми», поднимаясь по крутой лестнице, поднимающей «все» без исключения лодки человеческой жизни. И создаётся впечатление, что именно эти яростные виды духовных полётов всегда длятся дольше и уходят выше, а потому потребность в самых высоких духовных намерениях становится до боли очевидной, и речь как раз идёт о том, чтобы пройти через все эти концепции и прожить огромные циклы сжатых болезней и чудесным образом от них исцелиться, и как раз так жизнь выглядит в чувствительных нервных точках. Это всегда – непрекращающаяся «пуджа» и огромное высвобождение напряжения на «всех» уровнях.

И тогда всем возносятся святые жертвоприношения, и происходит автоматическое расширение пробуждающегося сознания, которое вскоре одновременно охватывает и все остальные, а потом это огромное безграничное видение начинает усиливать жестокое сочувствие, как раз когда беззащитный и сладкий нектар благодати меняет вкус всего этого невыносимого яда, и он становится более сладким на вкус, полностью преобразившись в великую взрывную духовную радость.

И тогда ты, наконец, видишь, как безобразные низменные слои напряжения сознания просто очищаются, как кожура, со всех бесчётных и пересекающихся жизней и сознание, наконец, перестаёт кормиться и жить страхами и условностями, на которые он натывается на новых и утончённых духовных пространствах, и всё представляет собой потенциально возможную духовную ловушку для несведущего и неискушённого искателя, и оно может ударить очень сильно: бессонницей с горьким привкусом вина, невыносимыми болями в груди, несварением желудка, вздутием – но, поймите, всё это просто старое и безотлагательное упражнение в очищении. И чем выше летишь, тем больше духовной силы в конце концов получаешь,

и важно не паниковать, даже когда нацеливаешься и пикируешь на ужасные камеры духовных пыток.

И надо сказать, что мне в конце концов удалось встретиться с Биро Хенце, и он сказал мне, что когда сознание окончательно умирает, то же самое происходит и со всем отвратительным напряжением, и это было тем незаметным секретом громадного благословения, я наконец начал понимать, что мы живём в ненормальное время, которое уже успело трагически потерять осознание, искусно отточённое и направленное на самоё себя, и то большое напряжения сегодня было очень громоздким и тяжёлым, и мы все теперь живём в великой «Кали-Юге», но в Божьей колоде карт где-то ещё завалился джокер и так всегда оно и было в воистину осознующей себя Вселенной.

И знаете, смерть – это, в конце концов, окончательный из всех возможных видов физического и громоздкого «белого напряжения», а все неясные рождения – окончательное чёрное решение «огромной проблемы», и это был просто бесконечный цикл; Самсара была безжалостным обманом, потому духовный вопрос звучит так – хотел ли кто-то, уйдя, просто раствориться или же оставаться среди живущих? Как бы сказать – были там все странные двойные и тройные изгибы в огромной зоне, где мечется сознание, и всё это так очевидно прослеживается в сексе или же искусстве, да и в политике, а чего уж говорить о деньгах, и, наконец, во всех галлюциногенных наркотиках, и священное отдохновение всегда оставалось ключевым элементом в этом вихре сознания, пока сознание пыталось освободиться от своих же оков, и, скажу я вам, всегда при этом были огромные слепые зоны и всевозможные безобразные отказы в любой системе, и все ангелы, и демоны, и люди, и привидения, и животные, и боги – все они взяты в плен этой старой бесконечной пьесой, которая идёт под названием «„Чёрное и белое напряжение“».

Как мне кажется, пришла пора для чего-то совершенно иного...

В густой тени:

А Калькутта такова, словно ты находишься в клыкастой пасти Кали, в ней миллиарды чокнутых, просто невыносимых людей и всяческих громадных движущихся объектов. Тяжкий, черноватый смог настолько потрясающ, что страдающая, грустная река Хугли была сквозь него почти невидна. Вот он, громадный, отвратительный Новый год, и Кали в нём древняя верховная царица; она слизывает эту непостижимую сладкую гадость, чтобы потом, сцепив потрескавшиеся ладони, с яростью ее моментально выплюнуть. Прямо тут, в ужасающем и сладком храме Даквинешвар, где теперь безмолвно сосуществуют и водородная бомба, и золото «ябьюм», ведь это – спокойное и непринуждённое милосердие наивысшей «тантры» Матери, когда её овитый саваном свет сплавляется с безграничной теменью, и это опасная форма сладкого посвящения, это чистое расщепление атомов водорода, когда вздымающиеся энергии разбрызгиваются и плывут в корчащемся и некрасивом телосознании.

Понимаете, неистовый лазер сильной и духовной мощи находится теперь на ложе Рамакришны, и только суровая дисциплина и сильная вера могут приостановить всю убийственность диверсии против самого себя, и в этом-то как раз и заключается Калькутта; в увядающем сплаве всевозможного напряжения, и также во встрече с друзьями Бабулала на многочисленных игровых площадках чистого сотворения и отвратительного разрушения, где «пуджа» является непреходящей постоянной, и, как понимаешь, бенгальцы – люди весьма и весьма утончённые, и тут попеременно безусловное радушие и столь же безусловная нищета, на этих грязных улицах я чувствую безумную панику, и она похожа на безмолвное громкое отчаяние, всё-таки есть тут этот странный духовный иммунитет.

Правительство от всего этого держится подальше, оно тут ни к селу ни к городу, и это суровое место, переполненное анархией, регулярно приглашает тебя лично отведать его яств прямо на улице. Тут и самые разнообразные орешки, и маленькие кусочки манго, и горячие

грени, и шипящие кебабы с пылу с жару, которые стоят просто копейки, и сладкий сок кокосовых орехов, который позволяет тебе выжить в этой убийственной атмосфере и безграничном водовороте вседозволенности, и эти волны дыма повсюду, но Калькутта всё-таки забавный и бурлящий жизнью город, что умело охватывает милосердие умелыми клубами чрезвычайной сложности, и она никогда не остаётся неразрешимой проблемой, и, знаете что, любые попытки уйти от этого в самоубийство – совсем здесь не решение.

В этом борющемся и изменчивом смятении, где переполненные улицы кипят жизнью, а люди дружелюбны, даже если весь город и превратился в огромный, запакощенный туалет, эти отвратительные картины ни на секунду не перестают интриговать и именно эта красочная и ужасающая жизнь постоянно пинает тебя и шокирует; это жизнь, которая дает просраться всем, и это с тем же успехом мог бы быть и Гадес, или все та же самая Кали, это громадное тантрическое колесо обозрения, что уставилось на меня, как изуродованный историей безумец.

Тут, на мосту Ховра, это грязный зловещий убийца, от которого убежать невозможно, да в общем-то и ненужно. Здесь, в зловещем чёртовом зелье, эта несусветная парная в бесконечной храпящей сутолоке дорожных пробок может для некоторых быть просто невыносима; места на ошибки слишком мало и так клейма негде ставить, но, по всей видимости, беспорядочного порядка тут как раз столько, сколько надо, чтобы удержать систему от крушения.

Каким-то образом жизнь в этом смеющемся и негодующем городе идёт своим чередом, в то время как в неизвестной, забытой богом местности храма, воздвигнутого маленькому разбойнику тут, в Хориспоре, я внезапно нахожу такую жизнь, такое сладкое высвобождение, которое мне до боли знакомо. Именно эта крайняя дорога Тантры с загадочной и густой плотностью всегда создаёт святых, струящих лёгкий и спокойный свет.

Эти серые грёзы:

И вот я, наконец, тут, в грязном коричневом переполненном Варанаси, с его ненормальными «хорошими парнями»; они старые, хорошо окопавшиеся друзья сложности в Третьей Воронке. И у Ганга такие особенные вибрации, будто капли росы, и видишь, как люди совершают омовение, стоя у лодок в плещущейся дымке, и тут конечная станция в этой громадной бане Шивы; кармические грехи сжигаются на утомлённых ступенях – «гхатах», и отвратительное жульё спускается по ним и требует, чтобы им дали всего, много и сразу, и я встретил странную, сладкую, эротичную женщину, которая иногда вообще ничего не ела и не пила, и у неё была чрезвычайно высокая напряжённость, и ещё эта её ухмылка, с которой она впадала в свой тёмный, безграничный транс, её мне представили через господина Шанти, живущего в изгнании владельца гостиницы «Кумико-Хаус»; это было простым делом накопления прошлой жизни и столь незначительный факт оказался тем, что окончательно определил чьё-то развитие в этой жизни.

И невозможно, чтобы что-то имело место, пока не настанет его черёд, и эти гигантские полёты собственного эго, и сумасшедшие отлёты в кайф, все они действительно были постоянно возникающей проблемой, и именно потому всегда весьма важно, чтобы у тебя был хороший учитель, даже если кругом хороших-то раз-два и обчёлся. И, может быть именно поэтому один из запруженных людьми берегов Ганга был застроен, а другой оставался совершенно пустынен, «чёрное и белое напряжение» конечно же тут присутствовали, и всё это казалось уже кем-то помеченным и просто бесконечным, все эти необъятные и сосуществующие одновременно нищета и благодать, и конечно же «белое напряжение» было клёвой первичной формой индусской музыки «рага»; это был разухабистый индусский джаз, и я посетил священный город Сарнатх.

Тут было то самое священное место, где Будда произнес свою первую проповедь акулам, что плавали в пруду, и ты чувствуешь, как едва уловимые вибрации медленно подбираются к тебе. Пока дикая планета всего лишь страдала от этого дёрганого, безграничного вывиха, что

принёс с собой громадный и усиливающийся поток Третьей Волны, ныне вещи просто «растворялись» намного быстрее в этой запутанной игре, которую, с уверенностью могу сказать, понимали только высшие силы.

А потому могло ли хоть какое-то сознание найти так необходимое спокойствие в этом жестоком нестабильном мире с его «чёрными и белыми песнями» и его вечной маниакальной депрессией. Укрытая саваном и вращающаяся волчком планета страдала от странного шизофренического раскола, это был загадочный и ускоряющийся «перепад напряжений», но «оракулы мо» давали сигналы о приближающихся событиях нового года, в то время как я срочно советовался с ламой Госаром в одну из последних своих недель в несусветной Индии.

«Великая Воронка»:

Это лишь века и тысячелетия:

Небесные часы медленно тикали, когда я встретился с мамой Калю и загадочным комитетом по переводу на иностранные языки в Салугаре, в котором председательствовали сгорбленные советники; это была моя последняя остановка, перед тем как направиться к окончательному и многострадальному эпицентру Третьей Воронки во время этой долгой, мрачной и дикой поездки.

Да, карта великого напряжения привела меня в Сикким. Я просто почувствовал, что я теперь весь в движении с этим новым внезапным ощущением свободы в столь странных и далёких краях, которые называют землёй летающих лам, и тут жили самые разные племена: таманги и шерпы, бхотия и тибетцы, бенгальцы и, конечно же, лепча.

Видите ли, китайцы и индусы на самом деле не отдают себе отчёта в том, что холодная война уже закончилась, и что это довольно плохая новость для бедолаги Сиккима, а эти ненормальные «кагю» вели друг с другом войну, и начинало складываться впечатление, будто бы бедный и отрезанный от мира Румтек был в осаде. Всё это было не более чем дешёвой силовой политикой с ворохом обесценившихся бумажек, и происходило оно из-за злобного проклятия, а оставаться в стороне от перекрёстного огня было безграничной королевской болью.

И я встретил ещё одну обворожительную и голодную немецкую «дакини» тут, в обнажённом, старом Румтеке, и она была вся в предательски чёрном, так как те плохие парни, а её белокурые пряди и одинокая нервозная улыбка просто сказали мне, что это было то самое, первые признаки чего, появившиеся еще в измождённом напряжением Берлине, теперь принимали окончательную форму, и старый Ситу наконец-то нашёл этого маленького мальчика, но его гнусный соперник оспаривал чёрную корону в глупой войне «тулку», в которой не могло быть победителей.

Но теперь я был слишком занят, продолжая свой марафон тут, в Сиккиме, и, несмотря на то, что я был измождён а, кроме этого, весьма голоден, я знал, что тот невидимый бриллиант, в котором я путешествовал, не был мёртвой духовной пустыней; зато я пережил странный сюрреалистический опыт со странным и неожиданным чувством понимания того, что все вещи на самом деле просто бесценны, и что Будды трудились в поте лица, чтобы сохранить исключительно важную преемственность в этой наисложнейшей из политических местностей.

Я задался вопросом, сколько ещё выдержит этот уголок планеты, оставаясь таким, какой он есть, с его дружелюбными и исполненными достоинства жителями. Я открывал все эти тайные и запрещённые миры с их чудесными картами и таинственными ритуалами, и меня понесла эта жестокая и выматывающая круговерть, и иногда она выглядела, как священный отплытв на галлюциногенных грибочках; именно этот чрезвычайно высвобождающий танец всевозможных укрытых и доброжелательных защитников, которые наконец открывали мне глубокое чудесное значение моей тайной пражской свадьбы.

Прохаживаясь по необычно изогнутому пространству:

Приближалось последнее беспощадное испытание в Евразии. Я в конце концов добрался до сурового Непала, и, прямо скажу, находился в самом странном из священных мест. Я был в ужасающем и неуступчивом эпицентре Третьей Воронки. Это был безжалостный водоворот, который засасывал всё отовсюду и без разбора.

Здесь на головокружительно широких и сумасшедших бульварах было полно бесстыжих зывал всевозможных мастей страны огромной и чрезмерной перегрузки. Здесь все делалось через зад, и постоянно казалось, что вот-вот произойдёт болезненный переворот, в то время как разношёрстные и зловещие бандюги выпендривались, наперебой предлагая свои типичные «чёрное и белое решения». Это была всё та же опасная, старая и предсказуемая возня между Правыми и Левыми, чьё уродливое выжженное эхо исходило от знакомых смертоносных кругов ада, и Запада тут в помине не было.

А Непал оказался любопытной и увлекательной индусско-буддийской мешаниной, у которой были интересные мифологические герои, потрясающие своей мощью чёрной магии, и в столь огромной, до предела заряженной атмосфере средневековые «малласы» создали этот захватывающий и духовный Диснейленд для вечных пилигримов, и это было бросающимся в глаза фоном странной психической Олимпиады, вместе с её громадным перепадом напряжений и чудными шизоидами, и эти смешные защитники, выбивающиеся из сил в забеге, и их «чакры», потерявшие равновесие, и знаете, была теперь очевидна отчаянная необходимость не очень сильного вращения, потому что слишком много серьёзного битья и отпада может вызвать опасную психическую болезнь, за которой вскоре следует ужасающий упадок здоровья.

И правда, демонам и привидениям нужна эта слезливая «бодхиситта» для ускоренного высвобождения полей благодати. Понимаете, это всего лишь ещё одно разрушенное равнение внутри разбросанных проливов и поблёскивающих центров. Я ныне в древнем Патане, и везде на меня накатывает это странное, мешающее давление со всех сторон, и вот он, древний Бхактапур с его дорогами, постоянно забитыми транспортом, который теперь не впускают в центр города, однако жуткий прирост народонаселения и новый отвратительный крах культуры наконец-то заставляют несчастный Непал принести символическое, висящее, как топор над шеей, жертвоприношение. Потому что это святой час, а в нем начинает взрываться сумасбродная синхронность, и высоко в Гималаях есть божественный «ябьюм»; то вновь та необычная пражская «карма», и это невинная Пия, что стала внушающим успокоение двойником, – такая пронзительная, очень интеллигентная, но всё-таки во многом ребячливая и ещё требующая духовной огранки; и это маленькая Мисс «Непостоянство», прохлаждающаяся и болтающая без умолку, пока не наступила её неизбежная встреча с самым опасным духовным врагом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.